

Научная статья
УДК 392
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ И ЛЮТЕРАНСКОЙ МИССИЙ СРЕДИ СААМОВ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ

Даниил Игоревич Коровкин

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
korovkin1997@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5111-8802>

Аннотация

Данная статья посвящена ретроспективному обзору деятельности православных и лютеранских миссий на Кольском полуострове, преимущественно в XIX веке, и их взаимодействии с саамским населением региона. В работе рассматриваются основные этапы и особенности миссионерской деятельности обеих конфессий, а также их подходы к проповеди в рамках культурной интеграции саамского населения региона.

Ключевые слова:

саамы, православие, лютеранство, миссионерская деятельность, управление этническим многообразием, интеграция населения, обзор, компаративный анализ, XIX век

Для цитирования:

Коровкин Д. И. Обзор деятельности православной и лютеранской миссий среди саамов на Кольском полуострове в дореволюционный период: компаративный анализ подходов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 17–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003.

Original article

AN OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE ORTHODOX AND LUTHERAN MISSIONS AMONG THE SAMI ON THE KOLA PENINSULA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES

Daniil I. Korovkin

Russian Ethnographic Museum, Saint-Petersburg, Russia, korovkin1997@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5111-8802>

Abstract

This article is devoted to a retrospective review of the activities of Orthodox and Lutheran missions on the Kola Peninsula, mainly in the 19th century, and their interaction with the Sami population of the region. The paper examines the main stages and features of the missionary activities of both faiths, as well as their approaches to preaching within the framework of the cultural integration of the Sami population of the region.

Keywords:

Sami, Orthodoxy, Lutheranism, missionary activity, management of ethnic diversity, population integration, review, comparative analysis, XIX-th century

For citation:

Korovkin D. I. An overview of the activities of the orthodox and lutheran missions among the sami on the Kola Peninsula in the pre-revolutionary period: comparative analysis of approaches // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 17–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003.

Введение

Процессы религиозной конвертации представляют собой сложное явление, неразрывно связанное с динамикой распространения политической и экономической власти в рамках премодерных государств. В этом контексте не вызывает удивления тот факт, что при освоении новых территорий миссионеры зачастую играли ключевую роль в процессе колонизации. Начиная с XIV века, внешние политические и теологические влияния начали активно сказываться на территориях, населенных саамами [1].

С начала XX века вопрос о христианизации саамов и адаптации христианских обрядов и практик получил широкое освещение в историографии. Многие известные ученые-этнографы так или иначе затрагивали этот вопрос в своих работах: А. Я. Ефименко¹, К. В. Козмин², Н. Н. и В. Н. Харузины³, С. И. Сергель⁴ и др.

В советское время изучение христианизации часто проводилось в рамках марксистского подхода. Религия, как правило, рассматривалась в качестве инструмента, используемого правящими элитами для эксплуатации рабочего класса. Подчеркивалось негативное влияние христианизации

на культуру и традиционный образ жизни саамов, особое внимание уделялось экономической эксплуатации и политическому порабощению коренного населения [2: 98–100]. Но это нисколько не умаляет заслуг исследователей тех лет, напротив, такой подход позволил более критично взглянуть на этническую историю саамов. Вопрос религиозного вмешательства в жизнь саамов поднимался в работах: Н. Н. Волкова [3], В. В. Чарнолусского [4], Д. А. Золотарёва [5], А. И. Андреева [6], С. А. Токарева [7], А. А. и Т. А. Киселёвых [8] и других.

Современные зарубежные исследователи, в свою очередь, предлагают иные подходы, включающих в себя, кроме всего прочего, принцип учета взгляда самих саамов на собственную историю, при котором саамы становятся не «объектом», а «субъектом» исследования. Кроме того, прослеживается тенденция критики «колониализма», а также таких явлений, как принудительная «норвегизация», и т. д. Такие именитые ученые, как: Л. Аллеман [2], Д. Сорм [9], Х. Рудвинг [10] и Л. И. Хансен [11, 12] — так или иначе рассматривали развитие религиозного вопроса с учетом этих позиций и явлений на территории саамов в своих трудах.

В целом современные теоретические подходы подчеркивают концепцию устойчивости и адаптивности саамской этнокультурной системы, акцентируя внимание на процессах избирательной интеграции и переосмысления христианских традиций и обрядов в контексте собственной культурной идентичности. Это находит отражение в ряде научных исследований, посвященных динамике культурной трансформации и сохранению этнической самобытности в условиях взаимодействия с внешними религиозными и культурными влияниями, что прослеживается в работах К. С. Казаковой [13–15], М. Г. Кучинского [16–17], О. В. Куропаткиной [18], М. С. Куропятник [19], Ю. Н. Кожевниковой [20], С. А. Никонова [21] и др.

Православная миссия на Кольском полуострове

В XIV–XVI веках распространение христианства на Крайнем Севере Европейской России стало важным фактором как церковной, так и государственной политики, направленной на расширение влияния Русской православной церкви и границ Московского государства. Этот процесс был неразрывно связан с ростом церковного землевладения и укреплением государственного контроля над вновь осваиваемыми приграничными регионами.

Близость церковной и светской власти являлась причиной того, что миссионерство было мощным инструментом интеграции «инородческих» территорий в состав Российского государства. Церковные структуры выполняли функции не только духовного наставника, но и административного органа, способствующего аккультурации местного населения и внедрению новых социальных норм.

Ситуация на Кольском полуострове представляет собой интересный случай, в котором столкнулись две христианские конфессии: православие и лютеранство. Эти конфессии на протяжении XIX века одновременно осуществляли свою миссионерскую деятельность в данном регионе. Вопрос о наличии какой-либо формы «конкуренции» между ними требует более глубокого анализа. Наша гипотеза позволяет предположить, что, учитывая низкую плотность населения и доминирующее положение православной церкви, которая уже успело укорениться в этом регионе, конкуренция между конфессиями либо отсутствовала, либо была крайне незначительной. Лютеранская миссия, возникшая одновременно с прибытием финских и норвежских колонистов во второй половине XIX века, столкнулась с серьезными ограничениями в своей деятельности, обусловленными государственной поддержкой православия. В результате, ее усилия были в значительной степени сосредоточены на самих колонистах, что ограничивало ее влияние на местное население.

В отечественной историографии устоялось мнение, что активное распространение православия на Кольском полуострове началось в XVI веке. Период XVI–XVII веков был временем борьбы за фактическое обладание территориями на Крайнем Севере Европы. Эти земли, богатые природными ресурсами и стратегическим положением, привлекали внимание Российского, Шведского и Датско-Норвежского государств. И утверждение «своей» веры обозначало бы также и утверждение юридического контроля над «лоппскими» землями [21].

В дальнейшем православная миссия как совокупность форм деятельности по постепенному обращению местного населения в христианство во многом опиралась на деятельность монастырей. И именно на монастырях лежал основной пласт работы по обращению саамов в православие. Здесь

ключевыми являются фигуры преподобных архимандрита Феодорита и монаха Трифона, а также иероманаха Ильи (которого также идентифицируют со священником Ильей). Святой Феодорит Кольский предпринимал попытки разработать письменность для саамов для дальнейшего перевода на саамский язык церковных текстов. Святой Трифон Печенгский проповедовал христианство среди скотов — саамов северной Норвегии и северо-запада Кольского полуострова. В 1533 году им был основан Печенгский⁵ монастырь (фин. *Petsamo*). Он также построил небольшую часовню в честь святого Георгия в Нейдене (бывш. *Ниевдам*) — саамской деревне, которая сегодня находится на границе Норвегии и Финляндии, где и в настоящее время совершают богослужения приезжающие священники, а немногочисленные православные саамы до сих пор посещают службы [22]. Христианизация как процесс обращения групп населения в православие затрагивала в основном погосты, расположенные близ границ со Шведским королевством (территория современной Финляндии) и Датско-Норвежским. Согласно мнению С. А. Никонова, в этом крылась, скорее, политическая цель: «<...> закрепить присутствие Московского государства на Крайнем Севере Европейской России» [21]. В последующие периоды (с начала XVIII века) темпы направленной христианизации снизились, ввиду того, что большая часть «русских лопарей» числились православными христианами⁶.

Притом нельзя сказать, что процессам христианизации не уделялось должного внимания со стороны государства. Напротив, сохранилось патерналистское отношение империи относительно распространения и «укрепления» веры среди местного населения. Об этом может свидетельствовать именной указ Елизаветы Петровны «О наставлении в вере трех лопарей», носящий скорее программный характер⁷. Данный документ отстаивал две основные идеи в отношении христианизации: необходимость расширения деятельности православной церкви среди «лопи» и просвещении их в религиозном отношении, особенно в плане церковных догм.

Значительная часть саамов являлась монастырскими крестьянами. Будучи приписанными к Печенгскому (упразднен в 1765 году), Воскресенскому, Истринскому, Крестному и Онежскому монастырям [16–17]. А после секуляризации церковных земель, проведенной Екатериной II в 1764 году, уже все саамы были переведены в категорию государственных крестьян (до реформ государственных крестьян П. Д. Киселёва они именовались «экономическими крестьянами» как бывшие монастырские/церковные)⁸.

В целом отношения саамов и монастырей до середины XVIII века нельзя назвать исключительно «добрососедскими». Нередкими были притеснения со стороны монастырей, которые проявлялись в захвате промысловых мест и угодий и сдаче их в аренду; изъятия части дохода; принуждение к определенным работам⁹. Впрочем, монастыри обеспечивали саамов пищей в голодные времена, товарами из южных областей (металл, ткани и прочее), а также юридической защитой от «государственных людей». Из центров миссионерской деятельности монастыри постепенно трансформировались в центры экономические и политические¹⁰.

После секуляризации церковных земель православные саамы Кольского полуострова состояли в трех приходах: Кольском, Кандалакшском и Понойском. К началу XX века на Кольском полуострове Печенгский приход (Печенгский, Мотовский, и восемь колоний становищ: Монастырское, Баркино, Княжуха, Трифонов ручей, Ворьема, Малонемецкое, Столбовое, Китовка), Пазрецкий приход, включавший Пазрецкий и Нявдемский погосты; Нотозерский приход (Нотозерский, Сонгельский), Китовский приход (колонии Китовка, Западная Лица, Вайда-Губа, Мало-Волоковая, Ура и Мотовский погост), Ловозерский приход (Ловозерский, Лявозерский, Воронинский, Семиостровский погосты) и Кильдинский приход (Кильдинский, Масельский (Пулозерский и Разнаволоцкий погосты) [23].

Прихожанами были и русские, и саамы, в основном говорящие на колтском или скотском, кильдинском и его диалектами, бабинском и йокангском саамских языках, а также представители других народностей, исповедующие православие. Как правило, часовни, притчевые дома строились на средства местных жителей. И в их обязанности входило выплачивание «руги» (как аналога десятины) в пользу приходов в виде улова рыбы (семги, сига, трески), оленного мяса, шкур и т. п. [20]. Впрочем, зачастую саамы давали рыбу гнилую или низкого качества, ввиду того, что размер руги был для них высок. Еще одной проблемой низкая плотность населения при довольно больших расстояниях между населенными пунктами. Рассматривая данную проблему в своей диссертации А. С. Давыдова приводит

следующую цитату из труда А. С. Розова¹¹ «В погостах имелись и имеются часовни, в которых определенное число раз в году наезжал священник, который исповедовал и причащал лопарей, совершал таинство брака и крещения. За свои труды священник получал ругу — добровольное приношение от лопарей, обыкновенно состоящее из рыбы. Лопари относились к этим наездам не совсем дружелюбно, так как каждый такой приезд, даже в том случае, если не позволялось по отношению к лопарям никаких злоупотреблений, все-таки обходился им очень дорого; они старались обмануть священников, давая им плохую, подчас никуда негодную, рыбу. Вследствие этого, некоторые священники, прежде чем приступить к совершению треб, объявляли лопарям, что они будут совершать требы лишь после получения определенного количества руги. <...> При таких условиях и отношении к слову Божию не могло идти дальше исполнения тяжелой и неприятной, но необходимой повинности» [24: 58].

Последующие процессы христианизации носили характер постепенного культурно-религиозных аккомодирования и аккультурации¹². Причем «ассимиляторами» (в нашем случае — народами, у которых перенимались те или иные элементы культуры) выступали в равной степени как русские поморы, так и коми-ижемцы, карелы и финны. В первую очередь, перенимались, как правило, хозяйственные или бытовые практики такие, как нарты, крупнотабунное оленеводство, заменившее керёжи и «вольный выпаси» оленей [25]. Вместе с тем саамы активного перенимали религиозные обычаи пришлого и соседствующего населения: русских поморов, карел и коми-ижемцев. Отчасти прослеживается это влияние и в контексте материальной культуры. Вероятно, ряд форм религиозной атрибутики саамов был заимствован у соседствующих карел, русских поморов и пришлого населения. В целом саамское население довольно сильно подвергалось культурной интеграции, особенно с 1860-х годов, когда на Кольский полуостров активно начали проникать русские и коми-ижемцы.

Впрочем, саамское население оставалось объектом целенаправленной христианизации, которая не была сильно централизованна и зачастую являлась местной инициативой, исходившей как от местных светских, так и от церковных администраторов. Однако большой проблемой оставалось недостаточное количество приходов и священнослужителей, особенно образованных. Усложняло ситуацию и отсутствие, по выражению Ю. Н. Кожевниковой, «ученых попов», которые могли бы проповедовать среди саамов, практически не знавших религиозных догм [20]. Показательной является история инициативы введения среди саамов «подвижных церквей». Согласно предложению некоего «помощника Молчанова», церкви, которые летом вместе с саамами передвигались к морскому побережью, были бы весьма полезны для правильного «отпуска культа». Эта идея понравилась Синоду, однако Министерство государственных имуществ не видело смысла выделять на это деньги, ввиду «малого количества людей» и недостаточности средств. Тем не менее были выделены стройматериалы с казенных дач для строительства церквей и домов для причтов в Нотозерском, Ловозерском и Семиостровском погостах. Однако при наличии материалов местные общины саамов не захотели «собирать капитал», и посылались прошения о выделении средств на строительство с 1848 по 1851 года. Церкви построены в эти даты не были¹³.

На протяжении длительного времени степень религиозной вовлеченности у кольских саамов была относительной низкой, ввиду, как уже писалось выше, малого количества священнослужителей и приходов (при общей малой заселенности региона) и специфики кочевого жизненного уклада: «Лопарям в настоящее время неизвестны молитвы, которые должны быть известны каждому христианину. <...> Новорожденные дети часто не получают крещения, а умершие зарываются в землю без обряда, вследствие кочевой их жизни и недостатка церквей, которых в Лапландии мало»¹⁴. Относительно высока была доля и «языческих пережитков», а также разного рода «магических практик», довольно подробно рассмотренных в работах Н. Н. Волкова и В. В. Чарнолуцкого [26]. Так, согласно сведениям Н. Н. Волкова, многие христианские «обряды» воспринимались как магические практики. К примеру, святой водой лечили больных оленей или освящали рыбные тони для лучшего улова [3: 72]

Православное духовенство на протяжении XIX века сыграло значительную роль в распространении грамотности посредством «церковного просвещения» на Кольском полуострове¹⁵. Притом стоит

отметить, что само существование «системы» церковно-приходских школ в отдаленных районах Кольского полуострова было возможно лишь при финансово-материально поддержке местного населения: как русского, так и саамского или коми-ижемского [13]. Церковно-приходские школы сыграли важную роль в повышении грамотности местного населения. Они не только расширяли их кругозор, предоставляя начальное образование, но и параллельно интегрировали в контекст православного вероисповедания. В этом контексте особое внимание заслуживает деятельность настоятеля Борисоглебской церкви на реке Паз К. П. Щеколдина¹⁶ (1845–1916). Он вместе со своей женой в 1894 году перевел «Евангелие от Матфея» на саамский язык, а в 1895 году издал первую в своем роде «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» [15], представлявшую собой учебник и русского, и, отчасти, колтта-саамского языков. Значительной была просветительская деятельность Трифоно-Печенгского монастыря, который был восстановлен в 1886 году указом Святейшего Синода. Таким образом, церковно-приходские школы и миссионерская деятельность священнослужителей способствовали не только распространению религиозных идей, но и культурному и образовательному развитию местного населения. Церковная и светская модели просвещения шли рука об руку в деле аккультурации саамов в пореформенное время.

Лютеранская миссия на Кольском полуострове

В настоящий момент подавляющее число саамов, проживающих на территории Норвегии, Швеции и Финляндии, исповедуют лютеранство, ввиду того, что деятельность православных монастырей и миссионеров ограничивалась территорией Кольского полуострова и отчасти Варяжского полуострова (полуостров Варангер на севере Норвегии). Обращение саамов в лютеранство являлось важным фактором культурной интеграции. Лютеранская церковь, стремясь утвердить свои позиции среди саамов, использовала религиозные практики как инструмент власти и контроля. В то же время нельзя сказать, что православная церковь активно конкурировала с лютеранами «за души саамов», ввиду неясности административных границ и крайне малой плотности населения.

Целенаправленная проповедь протестантизма среди саамов в Скандинавии началась с конца XVI века. С XVII века появились «лаппенстеры» — миссионеры, жившие среди саамов, говорившие на их языках. Нередко это были саамы по происхождению, получившие церковное образование в Шведском королевстве [18]. А в XVIII веке процессы христианизации приняли жесткий, а местами даже репрессивный характер [9]. Так, Карл Линней в своих путевых дневниках упоминает о довольно жестоких практиках принуждения к религиозной конвертации, в частности, о «поливании бубнов кровью». Нойду¹⁷ делались порезы и пускали кровь на его бубен («каннус»). Новые раны наносились до тех пор, пока нойд не «отринет язычество и примет христианство». Впрочем, эти данные труднодоказуемы¹⁸. Однако известно, что бубны сжигались в рамках «борьбы с колдовством» как лютеранами, так и православными [27: 5–7].

Во многом протестантские миссионеры так же, как и православные, коренным населением Кольского полуострова и прилегающих территорий воспринимались благожелательно. Они занимались, кроме своих прямых функций, распространением грамотности среди населения (даже в большей степени, чем православные, поскольку протестантизм подразумевает самостоятельное изучение Писания), интеграцией саамов в систему государственного управления и экономики и т. д. [28]. В этом контексте представляет интерес специфика распространения так называемого «лестадианства». В проповеди пастор Ларс Леви Лестадиус (1800–1864 годы) придерживался синкретической тактики, доводя Писание до слушающих через образы, происходящие из традиционных верований [18]. В итоге, многие скотт-саамы образовывали лестадианские общины, отличавшиеся весьма пуританскими нравами, открыто протестовавшими против продаж алкоголя, праздности, традиционных песен и т. д. С. И. Серегель описывал собрания лестадиан следующим образом: «В воскресенье у кого-нибудь из “кристалиш” устраиваются собрания, где такой “истинноверующий” поясняет присутствующим Св. Писание, верные догмы секты последователей Лестадиуса, к которым принадлежат все карашокцы, совершенно не посещающие кирхи»⁴.

До вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году существовала определенная «борьба за паству» между православной и лютеранской церквями (а в XVI веке отчасти и католической), что отражало более широкие процессы религиозной и культурной конкуренции [29]. После присоединения Великого княжества Финляндского к империи финские духовные лица получили ряд привилегий в области миссионерской деятельности, что позволило им расширить свое влияние не только на территории Финляндии, но и на Кольском полуострове. Это создало дополнительные сложности для православной церкви, которая стремилась сохранить свои позиции среди местного населения Кольского Севера.

Несмотря на утрату территории Финляндии, Швеция продолжала стремиться к контролю над саамским и финноязычным населением на своих территориях. В частности, на территории Норвегии, которая вступила в унию со Швецией в 1814 году [30: с. 84]. Это стремление проявлялось в активных процессах христианизации саамского населения, осуществляемых протестантскими миссионерами в XIX веке на территории Шведско-Норвежского королевства. Эти миссионерские усилия не только способствовали религиозной конверсии, но и служили инструментом аккультурации, направленной на интеграцию коренных народов в шведскую культурную и политическую систему.

Важно отметить, что Синод Российской империи на протяжении длительного времени запрещал переход из православия в другие конфессии. Этот запрет оставался в силе вплоть до выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 году¹⁹, который стал значимым шагом к обеспечению свободы вероисповедания²⁰. Однако влияние этого указа на религиозную ситуацию среди саамов и других коренных народов требует более глубокого анализа.

В 1860-х годах на Кольском полуострове начали формироваться устойчивые лютеранские общины. Они состояли преимущественно из финнов, переселявшихся на Кольский полуостров, в «Годы Великого голода» 1866–1868 годов [31], а также норвежцев, которых также привлекали промысловые места²¹. Основными центрами лютеранства стали прибрежные населенные пункты, расположенные вдоль реки Уры и одноименной губы, где поселенцы занимались преимущественно промысловой рыбной ловлей, а также торговлей с соседней Норвегией.

В этом контексте особый интерес представляют попытки Финляндии (в бытность Великого княжества Финляндского в составе Российской империи) распространения лютеранства не только среди саамов, проживающих в финских областях, но и кольских саамов (они же российские или восточные), проживающих на приграничных территориях. Лютеранская церковь, как и православная, была враждебно настроена к саамским традиционным верованиям и желала искоренить их параллельно с официальными российскими властями, желающими утвердить свое политическое господство над саамскими территориями и использовать их экономические ресурсы. Притом, обращение саамов именно в лютеранство гарантировало приобретение «власти» над саамами. До вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи имела место определенная «миссионерская конкуренция», а, ввиду имперской политики «мягкой силы» в отношении Финляндии, финские духовные лица получили ряд привилегий для миссионерской деятельности, в том числе и на Кольском полуострове.

С 1860 года финским миссионерам было дозволено беспрепятственно заниматься миссионерской деятельностью среди саамов и карелов в Кольском уезде²². В том же году им было дозволено продавать лютеранские молитвенники²³, которые изначально издавались на финском. Затем они были переведены на русско-лопарский (кильдинский саамский)²⁴ и остяцкий (хантыйский) языки и распространялись бесплатно²⁵. Впрочем, распространение лютеранства через продажу и передачу литературы не имело серьезной силы, ввиду того, что саамы преимущественно были безграмотные²⁶, а отданные им бесплатные экземпляры часто пытались продать, но тоже безуспешно. Сыграл свою роль и тот факт, что миссия православной церкви велась уже довольно давно и влияние монастырей было гораздо сильнее деятельности финских миссионеров.

Миссионерская деятельность лютеран вызывала переживания в Синоде, особенно после того, как финские миссионеры начали проникать на северо-восток Кольского полуострова к поселениям русских, выходцев с Поморья. Проповеди среди русских колонистов севера Кольского полуострова были запрещены, в то время как внутренние районы Фенноскандии оставались полем миссионерской деятельности лютеран. Также неопределенным оставался вопрос и с проповедями среди саамов. Проповеди были

запрещены в районах проживания колонистов вдоль по Мурманскому берегу, а значит, и среди саамов, проживающих в непосредственной близости. Запрет не касался саамов, проживающих вдали от русских поселений²⁷.

Тем не менее абсолютное большинство лютеран Кольского полуострова на рубеже XIX–XX веков — это колонисты и промышленники из Норвегии и Финляндии. Некоторые саамы, которые занимались морским рыболовством также записывались в колонисты [32]. Поселения колонистов из Норвегии и Финляндии усилили влияние лютеранской церкви: с 1905 года они имели свой лютеранский приход во главе с пастором Андреем Густавом Вуотилой, приехавшим из Финляндии на постоянное место жительства в город Александровск. В конце XIX века «финны-суоми» (из Великого княжества Финляндского) составляли до 70 % населения колоний по побережью Кольского залива [33]. Александровский приход (учрежден в городе Александровске в 1904 году, перестроен в 1908 году)²⁸ к началу XX века посещало порядка 1440 финнов и 160 норвежцев. Это были люди, которые не только жили в бухте Кола и на Мурманском побережье на постоянной основе, но и приезжали на рыбный лов и прочие промыслы, кочевья.

Активно переселялись на Кольский берег и саамы: саамы-фильманы, проживающие на северном побережье Норвегии (или, как их еще называли, «норги»), исповедующие лютеранство, а также кольские («кильдинские») саамы и «сколты». Саамы вообще легко пересекали границы государств и спокойно меняли места пребывания, жительства и промысла, и изначально официальные власти не обращали внимания на эту ситуацию при условии выплаты пошлин и налогов²⁹.

В целом, период XIX — начала XX века характеризуется развитием добрососедских религиозных контактов между церквями Кольского края, Норвегии и Финляндии. Обе стороны поддерживали высокий уровень толерантности: так, «нявдемские лопари», хотя и проживали с 1826 года на территории Норвегии, продолжали исповедовать православную веру и принимать у себя православных священников из России точно так же, как лютеране-переселенцы жили в соответствии со своим церковным уставом.

Большинство конфликтов, как правило, были основаны на имущественных, земельных и подобного вида отношениях. Например, Кольский земский суд уведомил председателя Архангельского губернского правления, что: «17 февраля 1835 года в пограничных с Норвегией погостах Печенгском, Навденском [Нявдемском], Пазрецком проживают с оленьими стадами норвежские саамы». Аналогичные претензии саамы рассматриваемых погостов высказывали и относительно прикочевывающих саамов из Енарскаго кирхгипиля (финский саамский погост)³⁰.

Примечательной иллюстрацией является история с основанием лютеранского молитвенного дома в селе Ура-Губа (Ура). Сообщество финских и лапландских (саамы-инары, финны-квены) направило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий прошение о дозволении постройки молеельного дома за счет колонистов и разрешении вести службы пастору из Финляндии. Кроме разрешения в 1870 году, колонисты также получили 500 бревен. Финские колонисты отдельно спрашивали: «Не противоречат ли они своей стройкой “букве закона”?»³¹. Основание молеельного дома вызвало опасения у местного православного духовенства. Епархиальный архиерей опасался, что православные верующие, проживающие по реке Уре, будут посещать лютеранский приход и переходить в лютеранство. Сам молитвенный дом был построен в период 1871–1873 годов и включен в Санкт-Петербургскую лютеранскую консисторию³².

Но нельзя сказать, что не существовало конфликтов, подозрений о «перекрещивании» и «смутении умов». Примечательным является случай, произошедший на реке Паз, на границе Норвегии и Российской империи. Оскар Конютцен, выходец из Норвегии, поселился в погосте Фильманское на Мурманском побережье и занимался торговлей и рыбным промыслом, «давая средств к существованию до 100 поморам». Но после разорения в 1900 году, ввиду потопления трехмачтового судна и уменьшения количества рыбы «из-за обилия морского зверя», переезжает на реку Паз и селится близ православной церкви св. Бориса и Глеба. Получив участок на три года, построив двухэтажный дом и дорогу на сумму десять тысяч рублей, он вновь начинает заниматься торговлей,

до тех пор, пока не был обвинен в «распространении лютеранства» среди православных прихожан. После этого начался долгий юридический процесс, где в его защиту, кроме прочих, встали и местные саамы³³.

Выводы

Подводя итоги, можно прийти к ряду выводов. Православная церковь не прибегала к масштабной целенаправленной христианской миссии после XVI–XVII веков и опиралась на монастырскую инфраструктуру, которая функционировала как религиозный, культурный, экономический и административный центр. Такой способ формирования религиозной идентичности саамов на территориях под контролем российского влияния приводил к более плавной и локальной интеграции православия в существующий культурный контекст, что, в конечном счете, способствовало плавному и постепенному распространению православной веры среди российских саамов.

Процессы христианизации на Кольском полуострове, на наш взгляд, происходили в рамках культурной аккомодации. Новые религиозные практики адаптировались к локальным обычаям, языковым условиям и бытовым моделям жизни саамов. Это объясняет устойчивые бытовые и культурные формы синкретизма, где религиозные нововведения сочетались с «языческими пережитками» и бытовыми суевериями.

Основная тенденция у лютеранской миссии заключалась в относительно активной миссионерской деятельности в приграничных регионах, в том числе среди православных саамов. Впрочем, эти попытки не увенчались успехом, даже несмотря на тот факт, что имперские власти не слишком сильно ей противодействовали. Это обуславливается и тем, что крещенные по православному обычаю саамы, как правило, теснее контактировали с православными русскими поморами, карелами и коми-ижемцами, чем с лютеранами финнами, хотя контакты с норвежцами и были весьма значительными. Справедливо может возникнуть вопрос: была ли как таковая полноценная лютеранская миссия среди кольских саамов? Нам видится, что попытки распространения лютеранства имели место быть, однако они оказались неуспешными и малозначительными.

Кроме того, на наш взгляд, как таковой конкуренции не было. Опасения, которые высказывали редкие чиновники и служители церкви мало меняют картину — к концу XVII века большая часть саамов по обе стороны границ уже были крещены, а переход из одной христианской конфессии в другую не имел для них большого смысла и значения. Кроме того, тот факт, что российские власти позволяли и открывать лютеранские приходы, и распространять лютеранскую литературу, а кольские саамы, проживающие на территории Норвегии, оставались православными и имели возможность посещать свои часовни, говорит о том, что «две церкви» вряд ли были серьезными соперниками.

В 1920-е — конце 1980-х годов миссионерская деятельность на Кольском полуострове как православная, так и лютеранская были практически сведены на нет, ввиду антирелигиозной политики советского государства. С 1990-х годов и по настоящее время на Кольском полуострове действует целый ряд миссионерских миссий, в том числе лютеранских: Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии (ориентирована на финнов), Всенорвежская саамская миссия (ориентирована на саамов) и другие [34]. Более того, часть современных саамов отстаивает идею возвращения к «вере предков» — синкретическому виду неоязычества, основанному на псевдоэтнографических и литературно-публицистических источниках [35].

Примечания

¹ Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб: тип. В. Киршбаума. 1877. 231 с.

² Козмин К. В. Лапландия и лапландцы: (из жизни Архангельского Севера). Архангельск: Губернская типография, 1915. 13 с.

³ Харузина В. Н. Лопари: очерк В. Харузиной. СПб.: Н. Морев, 1902. 38 с.

⁴ Сергель С. И. Экскурсия к норвежским лопарям (публикация А. Ю. Заднепровской) // Материалы по этнографии. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья / науч. ред. О. М. Фишман. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 290–334.

⁵ Полное название: Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь. Чаще: Трифоно-Печенгский.

⁶ Козьмин Н. Н. Распространение христианства среди русских лопарей // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1900. № 2. С. 44–52.

- ⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 241. Канцелярия синода. 1740 г. По именному Высочайшему указу, о наставлении в вере трех крещеных лопарей.
- ⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 34. Дело по представлению Архангельского военного губернатора, об увольнении лопарей Кольской округи от платежа Датскому королю. 1806 г. Л. 28–30.
- ⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 278. По отношению Сената о спорных рыбных ловлях между лопарями и Воскресенским и Крестным Онежским монастырями Архангельской губернии.
- ¹⁰ Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб: тип. В. Киршбаума. 1877. 231 с.
- ¹¹ Розонов А. С. Лапландия и лапландцы Ком. для помощи поморам Русского Севера. Санкт-Петербург: Тип. И. Усманова, 1903. 116 с.
- ¹² Аккомодация — это процесс, при котором этническая группа усваивает и видоизменяет культурные элементы (религия, материальная культура и системы хозяйствования и т. д.) другой этнической группы, сохраняя при этом свою изначальную культурную идентичность и язык. Аккультурация — аналогичный аккомодации процесс, который предполагает также частичную смену идентичности. При ассимиляции одна этническая группа полностью утрачивает свои отличительные черты и усваивает культуру, язык и обычаи другой, доминирующей группы.
- ¹³ РГИА. Ф. 383. Оп. 14. Д. 15764. 1851 г. Первый департамент Министерства государственных имуществ. По отношению господина обер-прокурора священного синода об устройстве в Лопарских погостах Архангельской губернии подвижных церквей.
- ¹⁴ Дергачев Н. Этнографический очерк // Русская Лапландия: Статистические, географические и этнографические очерки. Архангельск, 1877. С. 27.
- ¹⁵ Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М.: 1890. 482 с.
- ¹⁶ К. П. Щеколдин также собирал саамский фольклор, который впоследствии передал Н. Н. Харузину.
- ¹⁷ Нойды выполняли религиозные и врачебные функции у саамов. Зачастую являлись лидерами сообществ, исполняли роли судей и т. д.
- ¹⁸ С. v Linné. *Lachesis lapponica*; or, A tour in Lapland, now first published from the original manuscript journal of Linnaeus. London: White and Cochrane. 1811. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/71547#page/5/mode/1up> (дата обращения: 25.03.2025).
- ¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1905. 17 апреля (№ 63, Отд. 1, ст. 526). С. 710–712.
- ²⁰ ПСЗРИ. 1908. Т XXV: 1905 г. Отд. 1. Ст. 26125. С. 257–258.
- ²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 24 Д. 37604. 1861–1868 гг. Первый департамент Министерства государственных имуществ. О переселении в Кольский уезд Архангельской губернии колонистов из Норвегии.
- ²² РГИА. Ф. 821. Оп. 5. 1860 г. Д. 964. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 11. Религиозные общества и секты, миссионерская деятельность духовенства. Дело о разрешении финскому духовному лицу объезжать лопарей, проживающих в Кольском уезде Архангельской губернии.
- ²³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1 1860 г. Д. 5529. Дело о разрешении финляндским служителям культа производить продажу молитвенников и других книг религиозного содержания финляндским лопарям в Архангельской губернии.
- ²⁴ Многими современными исследователями саамские диалекты выделяются в качестве отдельных языков.
- ²⁵ РГИА. Ф. 733 Оп. 170 Д. 1175. Дело о рассмотрении составленных одним из членов общества распространения священного писания семи книг на остяцком и русско-лопарском языках.
- ²⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. 1871–1872 г. Д. 98. Вольное экономическое общество. Записки корреспондента Шабунина и волостного старшины Камского земского уезда о распространении грамотности среди лопарей на Мурманском берегу.
- ²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 5 1887–1904 гг. Д. 162. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 3. Образование и разделение пробстских округов и приходов и управление ими. Переписка с архангельским губернатором и обер-прокурором Синода о запрещении Финляндским проповедникам посещать мурманские колонии в связи с их миссионерской деятельностью, о командировании туда проповедников Ингерманландского округа и разрешении образования Мурманского лютеранского прихода в Архангельской области.
- ²⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 618. Статистические сведения о церковных советах Петроградского консисториального округа.

- ²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1828 г. Д. 910. Дело по донесению Архангельского гражданского губернатора об отнятых у лопарей участках земли соседственными норвежскими подданными. Л. 3–10.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 1836 г. Д. 80. Дело по донесению Архангельского военного губернатора о проживающих в Кольском уезде финляндских и норвежских лопарях. Л. 5–6; 11–15.
- ³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 567. Л. 3–4; 6–9. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 7. Строительство и ремонт церквей. Дело о разрешении постройки филиальной лютеранской церкви на реке Уре в Архангельской губернии.
- ³² Там же.
- ³³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 74 1907 г. Д. 160. Л. 2–3. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1907 г. По прошению уполномоченного от крестьян финляндцев Печенгского и Чалмозерского сельских обществ, а также жителей Пазрецкого погоста, Кольско-Лопарской волости, Александровского уезда Дмитрия Епиматьева, об оставлении колониста Оскара Конютцен на занимаемом им участке земли. Архангельская губерния.

Список источников

1. Котлова Е. С. Христианизация как элемент этнической интеграции саамов на Кольском полуострове (По материалам Архангельских епархиальных ведомостей) // Альманах современной науки и образования. 2011. № 6. С. 28–31.
2. Allemann L. Soviet–time Indigenous displacement on the Kola Peninsula // Routledge Handbook of Indigenous Peoples in the Arctic. 2020. pp. 92–105.
3. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / под ред. Ларс-Нила Ласку и Ч. М. Таксами. СПб.; Каутокейно, 1996. 109 с.
4. Чарнолуцкий В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Тартуский государственный университет. 1966. Вып. 11. С. 301–314.
5. Золотарёв Д. А. Кольские лопари: труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Изд. Академии наук СССР, 1928. 207 с.
6. Андреев А. И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л.: 1930. С. 3–19.
7. Токарев С. А. Религия лопарей // Религия в истории народов мира. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1976. С. 179–180.
8. Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, этнография, культура. Мурманск: 1987, 208 с.
9. Storm D. A. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century, The Protracted Reformation in Northern Norway, Vol. 2: Towards a Protestant North. Wehrhahn Verlag. 2016. pp. 173–203.
10. Rydving H. The End of Drum–Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s. Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum, Uppsala. Vol. 12. 1993.
11. Hansen L. I. Sámi Naming Customs in the Post–Reformation Period, The Protracted Reformation in Northern Norway, Vol. 2, Towards a Protestant North / eds. Berg S.H., Bergesen R. H. and Kristiansen R. E. Hannover, TROLL: Tromsøer Studien zur Kulturwissenschaft. Vol. 14. Wehrhahn Verlag. 2016. pp. 153–171.
12. Hansen L. I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian–Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders / eds. Jackson T. and Nielsen J. P., Moskva: Languages of Slavonic Culture. 2005. pp. 40–61.
13. Казакова К. С. Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX — начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14.
14. Казакова К. С. Учитель и/или наставник: участие священников в деле народного просвещения на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 247–259.
15. Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 2–13. С. 23–30.
16. Кучинский М. Г. Саамы Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. Kautokeino: Diedut, Sámi Allaskuvla. 2008. 310 с.
17. Кучинский М. Г. Социальная роль облагаемых угодий для саамы Кольского уезда в XVI–XVIII вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: 152–140. С. 2 №. 2010. Гуманитарные исследования
18. Куропаткина О. В. Лестадиянство у саамов: влияние на самосознание и социальную позицию // Международный научный журнал «Вестник науки». 2018. № 8, Т. 4. С. 51–54.

19. Куропятник М. С. Современные транснациональные стратегии саамов Северной Европы // Скандинавские чтения 2002 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред.: А. А. Хлевов, Т. А. Шрадер; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 110–117.
20. Кожевникова Ю. Н. Церковное проповедничество в приходах Кольского благочиния в конце XVIII — начале XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 3, № 2. С. 55–61.
21. Никонов С. А. О начале христианизации саамов Кольского полуострова во второй четверти XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3. С. 60–69.
22. «We are united by Christ in his Church, not by your origin, culture or language». URL: <https://orthochristian.com/139709.html> (дата обращения: 12.12.2024).
23. Зайцев О. А. Лопарские приходы в церковно-приходской системе Кольского Севера конца XIX — начала XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. С. 154–166.
24. Давыдова А. С. Строительство православных храмов на Кольском Севере в кон. XX — нач. XXI вв.: представления и практики: дис. на соиск. уч. степ. кандидата исторических наук. Апатиты, 2016. 218 с.
25. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимодействия коми и саамов в кон. XIX — перв. четв. XX вв. // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар: 1976. С. 32–43.
26. Зайцев О. А. «Древнейшие верования» кольских саамов в работах советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 105–111.
27. Демкин А. Символика лапландского шаманского бубна петровского времени. СПб., 2009. 42 с.
28. Storm D. A. Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space, Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond // Finno-Ugrian Society. 2012. №265. pp. 263–283.
29. Rasmussen Siv. «Post-Reformation Religious Practices among the Sámi». The Protracted Reformation in the North: Vol. III from the Project «The Protracted Reformation in Northern Norway». Berlin, Boston: De Gruyter. 2020. pp. 265–285.
30. Мейнадер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: «Весь мир», 2016. 256 с.
31. Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 68–76.
32. Кучинский М. Г. Правовой статус кольских саамов: краткая история // Go Arctic. 2021. URL: <https://goarctic.ru/society/pravovoy-status-kolskikh-saamov-kratkaya-istoriya/> (дата обращения: 02.02.2023).
33. Орехова Е. А. Саамское население и колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — начале XX век // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2; Вып. 1. С. 250–258.
34. Кучинский М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114–128.
35. Филатов С. Б. Загадка уникального религиозного сознания саамов // Современная Европа. 2020. № 6. С. 163–173.

References

1. Kotlova E. S. *Hristianizaciya kak element etnicheskoy integracii saamov na Kol'skom poluostrove (Po materialam Arhangel'skih eparhial'nyh vedomostej)* [Christianization as an element of the ethnic integration of the Sami on the Kola Peninsula (Based on materials from the Arkhangelsk Diocesan Gazette)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2011, No 6, pp. 28–31. (In Russ.).
2. Allemann L. Soviet-time Indigenous displacement on the Kola Peninsula. *Routledge Handbook of Indigenous Peoples in the Arctic*, 2020, pp. 92–105.
3. Volkov N. N. *Rossijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and Ethnographic Essays]. SPb., Kautokeino, 1996, 109 p. (In Russ.).
4. Charnoluskij V. V. O kul'te Myandasha [About the cult of Myandash]. *Skandinavskij sbornik* [Scandinavian collection]. Tallin, Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1966, Issue 11, pp. 301–314. (In Russ.).
5. Zolotaryov D. A. *Kol'skie lopari: trudy Loparskoj Ekspedicii Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po antropologii loparej i velikorusov Kol'skogo poluostrova* [Kola Lapps: Works of the Lapp Expedition of the Russian Geographical Society on the anthropology of the Lapps and Great Russians of the Kola Peninsula]. L., Izd. Akademii nauk SSSR, 1928, 207 p. (In Russ.).
6. Andreev A. I. *Istoricheskie materialy o Kol'skom poluostrove, hranyashchiesya v Leningrade* [Historical materials about the Kola Peninsula stored in Leningrad]. *Sbornik materialov po istorii Kol'skogo poluostrova v XVI–XVII vv.* [Collection of materials on the history of the Kola Peninsula in the 16th–17th centuries]. L., 1930, pp. 3–19. (In Russ.).
7. Tokarev S. A. *Religiya loparej* [Religion of the Lapps]. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the history of peoples of the world]. M.: Politizdat, Izd. 3–e, ispr. i dop., 1976, pp. 179–180. (In Russ.).
8. Kiselev A. A., Kiseleva T. A. *Sovetskie saamy: istoriya, etnografiya, kul'tura* [Soviet Sami: history, ethnography, culture]. Murmansk, 1987, 208 p. (In Russ.).

9. Storm D. A. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century. The Protracted Reformation in Northern Norway, 2016, Vol. 2, pp. 173–203.
10. Rydving H. The End of Drum–Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s. Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum, Uppsala, 1993, Vol.12.
11. Hansen L. I. Sámi Naming Customs in the Post–Reformation Period, The Protracted Reformation in Northern Norway, Wehrhahn Verlag, 2016, Vol. 2, Vol. 14, pp. 153–171.
12. Hansen L. I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian–Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders. Moskva: Languages of Slavonic Culture. 2005, pp. 40–61.
13. Kazakova K. S. *Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi i korennoho naseleniya severo-zapadnyh arkticheskikh territorij v dele narodnogo prosveshcheniya v konce XIX — nachale XX vekov* [The interaction of the Russian Orthodox Church and the indigenous population of the northwestern Arctic territories in public education in the late 19th — early 20th centuries]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2023, No 1, pp. 5–14. (In Russ.).
14. Kazakova K. S. *Uchitel' i/ili nastavnik: uchastie svyashchennikov v dele narodnogo prosveshcheniya na severnykh okrainah Rossijskoj imperii v konce XIX — nachale XX veka* [Teacher and/or mentor: the participation of priests in public education on the northern outskirts of the Russian Empire in the late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2024, No 3, pp. 247–259. (In Russ.).
15. Kazakova K. S. *Pervonachal'noe obuchenie detej korennoho naseleniya Kol'skogo Severa v konce XIX — nachale XX vv.* [Primary education of children of the indigenous population of the Kola North in the late 19th — early 20th centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center], 2018, Vol. 9, No 2–13, pp. 23–30. (In Russ.).
16. Kuchinskij M. G. *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vv. Model' social'noj struktury* [The Sami of the Kola District in the 16th–18th centuries. Model of social structure]. Kautokeino, Diedut, Sámi Allaskuvla, 2008, 310 p. (In Russ.).
17. Kuchinskij M. G. *Social'naya rol' oblagamyh ugodij dlya saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vv.* [The Social Role of Taxable Lands for the Sami of the Kola District in the 16th–18th Centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya «Gumanitarnye issledovaniya* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series "Humanitarian Research"], 2010, No 2, pp. 140–152. (In Russ.).
18. Kuropatkina O. V. *Lestadianstvo u saamov: vliyanie na samosoznanie i social'nyu pozitsiyu* [Laestadianism among the Sami: influence on self-awareness and social position]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik nauki»* [International scientific journal "Bulletin of Science"], 2018, No 8, Vol. 4, pp. 51–54. (In Russ.).
19. Kuropatnik M. S. *Sovremennye transnacional'nye strategii saamov Severnoj Evropy* [Contemporary transnational strategies of the Northern European Sami]. *Skandinavskie chteniya 2002 goda: Etnograficheskie i kul'turno–istoricheskie aspekty* [Scandinavian readings 2002]. SPb, MAE RAN, 2003, pp. 110–117. (In Russ.).
20. Kozhevnikova U.N. *Cerkovnoe propovednichestvo v prihodah Kol'skogo blagochiniya v konce XVIII — nachale XIX veka* [Church Preaching in the Parishes of the Kola Deanery in the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i humanitarnye nauki* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2023, Vol. 3, No. 2, pp. 55–61. (In Russ.).
21. Nikonov S. A. *O nachale hristianizacii saamov Kol'skogo poluostrova vov vtoroj chetverti XVI v.* [On the beginning of the Christianization of the Sami of the Kola Peninsula in the second quarter of the 16th century] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Issues of Medieval Studies], 2019, No 3, pp. 60–69. (In Russ.).
22. «We are united by Christ in his Church, not by your origin, culture or language». (In Eng.) Available at: <https://orthochristian.com/139709.html> (accessed 12.12.2024).
23. Zajcev O. A. *Loparskie prihody v cerkovno–prihodskoj sisteme Kol'skogo Severa konca XIX — nachala XX vekov* [Lappish parishes in the church-parish system of the Kola North in the late 19th — early 20th centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, Vol. 9, pp. 154–166. (In Russ.).
24. Davydova A. S. *Stroitel'stvo pravoslavnyh hramov na Kol'skom Severe v kon. XX — nach. XXI vv.: predstavleniya i praktiki* [Construction of Orthodox churches in the Kola North in the late 20th — early 21st centuries: ideas and practices]. Cand. Sci. (History) dis.]. Apatity, 2016, 218 p. (In Russ.).
25. Zherebcov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimodejstviya komi i saamov v kon. XIX — perv. chetv. XX vv.* [Historical and cultural interactions between the Komi and the Sami in the late 19th — first quarter of the 20th centuries] *Etnografiya i fol'klor komi* [Ethnography and folklore of the Komi.]. Syktyvkar, 1976, pp. 32–43. (In Russ.).
26. Zajcev O. A. «Drevnejšie verovaniya» kol'skih saamov v rabotah sovetskih etnografov V. V. Charnoluskogo i N. N. Volkova ["The most ancient beliefs" of the Kola Sami in the works of Soviet ethnographers V. V. Charnolusky and N. N. Volkov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2020, Vol. 42, No 2, pp.105–111. (In Russ.).
27. Demkin A. *Simvolika laplandskogo shamanskogo bubna petrovskogo vremeni* [Symbolism of the Lapland shamanic drum of the Peter the Great era]. SPb. 2009. 42 p. (In Russ.).

28. Storm D. A. Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space, Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond. *Finno-Ugrian Society*, 2012, No 265, pp. 263–283.
29. Rasmussen Siv. «Post-Reformation Religious Practices among the Sámi». *The Protracted Reformation in the North*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020, Vol. III from the Project «The Protracted Reformation in Northern Norway», pp. 265–285.
30. Mejnader H. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye moment* [The History of Finland: Lines, Structures, and Turning Points]. M., 2016, 256 p. (In Russ.)
31. Busyreva E. V. *Istoriya semej s finskimi korniyami v kontekste etnosocial'nyh processov (na primere Murmanskoy oblasti)* [The history of families with Finnish roots in the context of ethnosocial processes (using the Murmansk region as an example)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2016, Vol. 26, Issue 1, pp. 68–76. (In Russ.).
32. Kuchinskij M. G. *Pravovoj status kol'skih saamov: kratkaya istoriya//GoArctic* [The Legal Status of the Kola Sami: A Brief History]. *GoArctic* [GoArctic], 2021. (In Russ.) Available at: <https://goarctic.ru/society/pravovoy-status-kolskikh-saamov-kratkaya-istoriya/> (accessed 02.02.2023).
33. Orekhova E. A. *Saamskoe naselenie i kolonizaciya Murmanskogo berega Kol'skogo poluostrova vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [The Sami population and colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], 2008, Ser. 2, Issue 1, pp. 250–258. (In Russ.).
34. Kuchinskij M. G. *Saami Murmanskoy oblasti: ocherk sovremennogo polozheniya* [The Sami of the Murmansk Region: an outline of the current situation]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences.], 2011, No 6, pp. 114–128. (In Russ.).
35. Filatov S. B. *Zagadka unikal'nogo religioznogo soznaniya saamov* [The Mystery of the Unique Religious Consciousness of the Sami]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, No 6, pp. 163–173. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. И. Коровкин — научный сотрудник II категории отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики.

Information about the author

D. I. Korovkin — researcher of the II category of the Department of Ethnography of the North-West Russia and the Baltic.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 20.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.